



ТРАКТАТЪ ТЕРТУЛЛІАНА

О ЗРѢЛИЩАХЪ *).

Въ виду гоненій, предметомъ которыхъ была церковь въ продолженіи трехъ первыхъ вѣковъ, христіанское краснорѣчіе долженствовало являться по преимуществу въ формѣ »апологіи«. Каждый разъ, когда какой либо способный человѣкъ хотѣлъ обозначить свое мѣсто въ рядахъ вѣрныхъ, первымъ движеніемъ его души было—стать на защиту угнетенныхъ своихъ братьевъ. Поэтому не должно удивляться, что литературная дѣятельность Тертулліана развивалась почти исключительно въ такомъ родѣ писаній которыя болѣе всего были вызываемы обстоятельствами. При жестокомъ деспотизмѣ, грозившемъ затопить въ крови евангеліе, постоянное сношеніе вѣрныхъ съ язычниками составляло опасность не маловажную для христіанской нравственности. Идолопоклонство совершенно овладѣло древнимъ міромъ; потому что не только проникло своимъ вліяніемъ литературу и искусство, но и отпечатлѣвалось въ

*) Cours d' éloquence sacrée—pendant l' année 1861—1862, par Freppel, t. 1, p. 189—237.



дѣйствіяхъ жизни гражданской. Предметы сами по себѣ позволительные какъ наприм. военная служба, не могли не быть разсматриваемы, какъ родъ участія въ богослуженіи языческомъ; потому что были связаны съ извѣстными религіозными дѣйствіями. Однимъ словомъ, церковь жила среди общества, котораго идеи, обычаи, постановленія находились въ явномъ противорѣчій съ ея нравственностію и ея догматомъ. Ученики Евангелія не могли сдѣлать ни одного шага въ этомъ обществѣ безъ того, чтобы не встрѣтить для себя опасности или соблазна. Однакожъ имъ не возможно было и отдѣлиться внѣшнимъ образомъ отъ міра, съ которымъ они были связаны тысячею нитей. И вотъ гдѣ заключался главнѣйшій источникъ недоумѣній, и сомнѣній, возмущавшихъ совѣсть христіанскую! На какихъ предѣлахъ должно было остановиться это неизбежное сношеніе съ язычниками? Въ какой мѣрѣ христіане могли, не нарушая долга, вести торговлю съ язычниками, принимать участіе въ ихъ увеселеніяхъ, исполнять должности общественныя? Эти и подобныя вопросы невольно рождались при соприкосновеніи двухъ обществъ. Тертуліанъ предположилъ рѣшить ихъ въ рядѣ трактатовъ, которые обнимаютъ всѣ отношенія жизни христіанской къ язычеству.

Между языческими обычаями, возмущавшими чувство христіанское, не было ни одного, который бы до такой степени возбуждалъ противъ себя возраженія, какъ частое посѣщеніе театра. Первые христіане, живя среди іудеевъ, не знали этихъ театральныхъ игръ, неупотребительныхъ на востокѣ. Тамъ, обычаи жизни болѣе уединенной привязывали семейство къ удовольствіямъ семейнаго очага; и великія зрѣлища природы, созерцаніемъ которыхъ постоянно наслаждался народъ земледѣльческій и привязанный къ своему отечеству, не позволяли родиться въ немъ потребности восполнять дѣйствительность вымысломъ. Народъ іудейскій, въ частности, не имѣлъ другихъ



представлений, улаждавших зрѣніе, громъ великолѣпія своихъ символическихъ жертвъ, обрядовъ своего богочтенія: музыка и танцы были единственнымъ его развлеченіемъ; но и эти занятія имѣли почти всегда характеръ религіозный. Таковы были, вообще, нравы и образъ жизни народовъ восточныхъ.

Истинной колыбелью театра служитъ Греція. Одаренное живымъ чувствомъ, поколѣніе эллиновъ чувствовало себя расположеннымъ и способнымъ къ этимъ подражаніямъ, этимъ живымъ картинамъ жизни человѣческой. Ничто не было такъ противно восточной серьезности, какъ легкомысліе націи, которая предоставляетъ своимъ невольникамъ воздѣлываніе полей. Въ-сто того, чтобы заняться исполненіемъ должностей и ограничиться внутренними удовольствіями жизни семейной, праздный афинянинъ чувствовалъ нужду въ развлеченіяхъ внѣшнихъ: ему нравился просторъ жизни общественной, многолюдныя собранія зрѣлища, гдѣ бы онъ могъ посмотрѣть и послушать, послѣ того какъ окончилъ рѣчь въ Пниксѣ. У такого народа долженъ былъ родиться театръ. Справедливо замѣчаютъ, что первоначально греческая сцена была далеко не та, какою она сдѣлалась нѣсколько вѣковъ позже. Это было, такъ сказать, установленіе религіозное и національное, имѣющее цѣлю увѣковѣченіе памяти чего либо, здѣсь воспроизводили предъ глазами гражданъ великія событія исторіи, первобытныя преданія Греціи, торжество или несчастія ея первыхъ владыковъ. Вращаясь въ подобныхъ границахъ, эти драмы доставляли нѣкоторую нравственную пользу; онѣ могли имѣть благотворное вліяніе на духъ общества, внушая любовь къ отечеству; а совершенное отсутствіе женщинъ на сценѣ удаляло самый важный источникъ опасностей для нравовъ. Но греческій театръ не замедлилъ испортиться съ ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій. Подъ предлогомъ исправленія недостатковъ и пороковъ, мастерски рисуя ихъ, комедія, а потомъ и трагедія, наконецъ



не останавливаются ни предъ какимъ развратомъ. Слѣдуетъ только бросить одинъ взглядъ на піесы Аристофана, чтобы видѣть, на какую степень непристойности и наглости низопли эти произведенія греческаго ума. Ничего не было святаго для комическихъ поэтовъ, и даже самые боги, влячимые на сцены, должны были рассказывать о своихъ приключеніяхъ предъ публикой, увеселявшейся на ихъ счетъ. Такимъ образомъ театръ греческій достигъ наконецъ того, что сдѣлался школой нечестія и мѣстомъ разврата. Когда страсть къ зрѣлищамъ проникла съ греческимъ вліяніемъ въ Римъ, то подобныя причины произвели—и подобныя дѣйствія. Впрочемъ воинственный инстинктъ римлянъ, болѣе любившихъ оружіе, нежели искусства, заставилъ ихъ искать удовлетворенія въ другомъ родѣ занятій. Рожденный для борьбы, этотъ воинственный народъ любилъ воспроизводить на сценѣ образъ своей прошедшей жизни. Самое высшее удовольствіе для него, по вліянію древнихъ преданій, было видѣть людей убитыми въ слѣдствіе упорнаго междоусобія. И вотъ источникъ этихъ сраженій гладіаторовъ, которыя въ послѣднее время республики и при императорахъ развили даже до звѣрскаго жажду крови у властелиновъ міра. Эти кровавыя драмы амфітеатра служили переходомъ къ безчиннымъ подражательнымъ піесамъ, переселеннымъ изъ Греціи, и, ревнуя одна передъ другою, свидѣтельствовали объ ужасномъ нравственномъ униженіи, до котораго достигло общество языческое.

Послѣ этого не трудно понять, что учителя христіанскіе имѣли полное право произносить строгій судъ о зрѣлищахъ языческихъ. Энергическое порицаніе, какимъ они поражали эти безнравственныя или кровавыя представленія, тѣмъ менѣе должно насъ удивлять, что имъ предшествовали на этомъ пути сами философы. Платонъ не допускалъ въ своей республикѣ ни трагедіи, ни комедіи,—такъ какъ онѣ равно опасны какъ



для актеровъ, такъ и для зрителей. Самое искусство комедіанта по его мнѣнію, вводитъ въ жизнь человѣческую характеръ пустоты, недостойной человѣка и прямо противоположной простотѣ нравовъ. Онъ боялся, чтобъ желаніе представлять страсти человѣческія не породило желанія развивать въ душѣ то, что стараются на сценѣ выразить словами и дѣйствіями. Разсчитывая критически одну за другой главныя пружины театральнаго дѣйствія, онъ не одобрялъ тѣхъ воплей, которые часто раздавались на древней сценѣ, равно какъ и насмѣшекъ, которыми старались удовлетворить безумному желанію осмѣивать. Возбуждать слабую и чувствительную часть нашего существа ему казалось также достойнымъ порицанія, какъ льстить желаніямъ человѣка издѣваться. Онъ заключилъ поэтому, что зрѣлища могутъ только поддерживать и увеличивать то, что есть въ насъ самаго дурнаго ¹⁾. Конечно, ни одинъ отецъ церкви не порицалъ театра такъ рѣшительно, какъ Платонъ. Аристотель, правоученіе котораго болѣе снисходительно, искалъ по обыкновенію средняго термина между обязанностію и удовольствіемъ. Утверждая, что театръ можетъ очищать страсти, возбуждая ихъ, онъ однакожъ почитаетъ его опаснымъ для юношества; и по изложеніи въ »поэтикѣ« своей странной теоріи онравственномъ дѣйствіи зрѣлищъ, онъ опровергаетъ ее въ »политикѣ«, говоря, »что за словомъ слѣдуетъ дѣйствіе и« что охотно подражаютъ тому, что любятъ выражать ²⁾. У римлянъ общественное мнѣніе и законы, согласно съ философіей, дурно смотрятъ на роль комедіанта. Цицеронъ, взявши на себя дѣло защиты ея въ угожденіе одному славному актеру, обязанъ былъ употребить все свое краснорѣчіе для ослабленія предразсудка, который внушалъ противъ этого актера омерзѣніе къ его званію. Въ IV кни-

¹⁾ De republ. I, II, 3; III, 10.

²⁾ Poétique, VI. VII. Politique, I. VIII, c. IV.



гѣ своихъ «тускуланъ» онъ говоритъ: «если бы мы не одобряли преступленій, то комедія не могла бы существовать.» Нѣсколь-ко вѣковъ позже императоръ Юліанъ говоритъ о зрѣлищахъ съ ужаснымъ презрѣніемъ и запрещаетъ языческимъ жрецамъ присутствовать на нихъ. Что касается римлянъ, то они почитали безчестными всѣхъ, рѣшавшихся выходить на сцену. Ихъ поэты низко смотрятъ на ремесло актера и дѣйствіе театра выставляютъ гибельнымъ. Овидій безъ сомнѣнія не былъ очень строгимъ правоучителемъ; но въ его *Tristes* находятся выраженія не менѣе энергическія, чѣмъ выраженія Ювенала, противъ вліянія зрѣлищъ языческихъ на нравы.

«Что другое видимъ мы здѣсь», говоритъ онъ, разсуждая о комедіи, какъ не преступленіе, одѣтое въ нарядную одежду? Вотъ жена обманываетъ своего мужа и предается разврату. Отецъ и дѣти, мать и дочь, важные сенаторы, услаждаются этимъ зрѣлищемъ, устремляютъ свои глаза на безстыдную сцену, настраиваютъ уши для слуханія соблазнительныхъ стиховъ. Когда піеса исполняется съ искусствомъ, театръ неистово рукоплещетъ; чѣмъ болѣе поэтъ способенъ портить нравы, тѣмъ онъ лучше награждается: правительство осыпаетъ золотомъ преступленіе автора¹⁾.

Тертуліанъ повторяетъ этотъ упрекъ почти тѣми же самыми словами. Изъ этого мы можемъ заключить, что благородные язычники не были благосклонны къ зрѣлищамъ. Придаемый какъ зло само въ себѣ Платономъ, признанный опаснымъ для юношества Аристотелемъ, театръ не могъ пережить того поношенія, которымъ клеймили его законы и общественное мнѣніе. И потому не должно удивляться, если отцы церкви сильно возставали противъ увеселеній, которыя осуждали съ такою

¹⁾ *Tristes* I, II



строгостію и нравоучители языческіе. Первые христіане жили среди народа, у котораго страсть къ зрѣлищамъ доходила до крайностей и, такъ сказать, до сумашествія. Многіе были увлекаемы духомъ времени и старались оправдать себя подъ предлогомъ болѣе или менѣе благовиднымъ. Наконецъ—и болѣе всего—многіе новообращенные христіане церкви африканской совершенно не имѣли правильныхъ и основательныхъ идей объ опасностяхъ посѣщенія театра. Дабы внести свѣтъ въ ихъ душу, Тертуліанъ составилъ свой трактатъ противъ зрѣлищъ. Хотя въ самомъ сочиненіи нѣтъ указанія на время выхода его въ свѣтъ; но весьма вѣроятно, что оно писано въ 198 г., когда послѣ побѣды Септимія Севера надъ его соперниками во всей имперіи учреждаемы были пиршества и увеселенія. Христіанскій моралистъ сперва говоритъ о зрѣлищахъ языческихъ, и потомъ о театрѣ вообще. Мы начнемъ разборъ первой части творенія.

I. »Вѣрные служители Іисуса Христа! (Такъ начинается Тертуліанъ свой трактатъ о зрѣлищахъ). Вы, оглашенные, желающіе скорѣе соединиться съ Нимъ чрезъ крещеніе, и вы, христіане, увѣровавшіе уже въ Него и участвующіе въ Его таинствахъ! Слѣдуя правиламъ вѣры, началамъ истины и законамъ благочинія, познайте обязанность свою удаляться отъ всякихъ зрѣлищъ, равно какъ и отъ безумія вѣка сего. Научитесь не грѣшнить ни по невѣдѣнію, ни изъ притворства. Сила удовольствія такъ велика, что при случаѣ привлекаетъ къ себѣ невѣдущихъ, а другихъ заставляетъ измѣнять собственной своей совѣсти. Есть люди которые, соблазняясь лстивыми, но ложными правилами язычниковъ, разсуждаютъ такъ: нѣтъ ничего противнаго религіи въ томъ удовольствіи, которое дается для глазъ и для слуха, потому-что душа отъ того нисколько не терпитъ; Богъ не можетъ оскорбляться такимъ увеселеніемъ, среди котораго человѣкъ сохраняетъ страхъ и должное почтеніе къ



Господу своему. Мечта, возлюбленные мои братья, опасное заблужденіе, весьма противное и истинной религіи и совершенному повиновенію нашему Богу! Это особенно я рѣшился вамъ доказать.* ¹⁾

Весьма любопытно, что существуетъ аналогія между доказательствами, представляемыми язычниками въ пользу зрѣлищъ, и доказательствами, которыя для той же цѣли слышатся во всѣ времена изъ устъ людей свѣтскихъ. Неужели Богъ оскорбляется увеселеніями, которыя сами по себѣ очень невинны? Это вѣчный припѣвъ людей жаждущихъ удовольствій, но не думающихъ о причинахъ нравственныхъ.

Но прежде нежели услышимъ отвѣтъ Тертуліана, позвольте представить вамъ другое доказательство въ томъ же родѣ, которос еще въ 2-мъ вѣкѣ было въ устахъ всего міра.

»Богъ«, говорили »сотворилъ всѣ вещи въ мірѣ и отдалъ ихъ въ даръ человѣку. А такъ какъ всѣ вещи благо, потому что зиждитель ихъ существенно благъ: то въ число этихъ вещей надобно включить и все то, что принадлежитъ къ зрѣлищамъ, каковы: циркъ, львы, сила тѣлесная, пріятность голоса. Нельзя почитать противнымъ волѣ Божіей того, что самъ Онъ сотворилъ. Служители Божіи не должны убѣгать того, чего Господь ихъ не ненавидитъ. Нельзя утверждать, чтобы Господь осуждалъ амфітеатры, потому что Имъ сотворены и камни и цементы и мраморъ и колонны. Вообще игры и зрѣлища происходятъ въ виду неба, сотвореннаго также Богомъ«. ²⁾

На эти доказательства Тертуліанъ смотритъ иначе. »Никто не отрицаетъ,« пишетъ онъ, »что Богъ есть Творецъ всѣхъ вещей. Нельзя также не согласиться, что всѣ вещи сами по

¹⁾ De spectac. I.

²⁾ Ibid. II.



себѣ благо, и что онѣ опредѣлены для услугъ человѣку. Но надлежитъ не только познавать Того, Кто сотворилъ всѣ вещи, но и знать превратное употребленіе ихъ. Дурныя дѣла, строго запрещенныя самими язычниками, не производятся ли тварями же созданными Богомъ? Если вы хотите совершить убійство, то вы можете избрать для того или мечъ или ядъ или волхвованіе. Но мечъ, ядовитыя травы и злые ангелы, не творенія ли Божіи? Ужели же вы думаете, что Богъ произвелъ эти предметы на тотъ конецъ, чтобы умерщвлять людей? Равнымъ образомъ кто сотворилъ золото, серебро, мѣдь, слоновую кость, дерево? Кто произвелъ и всѣ другія вещи, изъ которыхъ дѣлаются идолы, какъ не Тотъ, Кто создалъ и землю? Но для того ли далъ Онъ имъ существованіе, чтобы люди боготворили ихъ вмѣсто Его?—Самый человѣкъ, виновникъ всякаго рода злодѣяній, не твореніе ли Божіе, и притомъ не образъ ли Божій? За всѣмъ тѣмъ онъ употребилъ во зло и душу и тѣло, чтобы возмутиться противъ своего Творца. Мы получили глаза не для того, чтобы воспалять въ себѣ похоть, уши не для того чтобы клеветать, уста не для обжорства, желудокъ не для неводержности, руки не для воровства, ноги не для исканія преступленій. Равномѣрно и душа наша не для того соединена съ тѣломъ, чтобы быть орудіемъ обмановъ и неправды. Если же правда, что Богъ, бесконечно благій, гнушается употребленіемъ во зло творенія Его: то изъ сего очевидно, что все, осуждаемое имъ, сотворилъ Онъ не для дурной цѣли, и что вещи, которыми люди пользуются для зла, дурны только по дурному ихъ употребленію« ¹).

Безъ сомнѣнія это отвѣтъ рѣшительный. Для пополненія его Тертуліанъ употребляетъ начало, которое имѣетъ высокую

¹ De spect. II.



важность, когда хотѣть опредѣлить какой либо нравственный поступокъ. При невѣдѣніи, въ которомъ были язычники касательно первоначальнаго паденія челоѣка, они почитали позволительными множество такихъ вещей, которыя на самомъ дѣлѣ были гибельны въ слѣдствіе испорченности природы нашей. Еслибы челоѣкъ не согрѣшилъ, еслибы онъ оставался такимъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца, то не было бы и тѣни опасности въ томъ, что теперь служить для него случаемъ къ грѣху. Похоть плоти, слѣдствіе грѣха, дала совершенно другой характеръ тѣмъ предметамъ, которые безъ нея не представляли бы ничего нравственно-опаснаго. Итакъ на этой точкѣ зрѣнія, ясно указанной Тертуліаномъ, обыкновенно поставляютъ себя, когда хотѣть одной рукою начертать прямую линію обязанности; а другой пренебрегаютъ самымъ существеннымъ условіемъ предмета, отъ котораго необходимо должны зависѣть всѣ правила нашего поведенія. Если представлять челоѣка такимъ, каковъ онъ есть, т. е. наклоннымъ къ злу отъ рожденія, представлять съ его нравственной слабостію и его страстями, — то посѣщеніе театра позволительно или нѣтъ? Въ этихъ выраженіяхъ надобно представить вопросъ, когда вмѣсто того, чтобы теряться въ теоріи чистго идеальной, хотѣть достигнуть какого либо практическаго рѣшенія. Но оставимъ на минуту въ сторонѣ эти общія размышленія, дабы прослѣдить до конца доказательство Тертуліана противъ зрѣлищъ его времени.

Обыкновенное возраженіе, заимствованное изъ того, что Богъ сотворилъ для пользы челоѣка все то, что составляетъ театральное представленіе, могло происходить только отъ язычниковъ. Послѣ краткаго отвѣта на это, пастырь кароагенскій переходитъ къ затрудненіямъ, которыя возмущали малое число христіанъ, еще мало проникнутыхъ духомъ евангельскимъ. Эти христіане желали найти въ священномъ писаніи какой либо текстъ, который бы ясно и точно воспрещалъ посѣщеніе театра.

Надобно правду сказать, что въ священ. книгахъ объ этомъ предметѣ нѣтъ никакихъ подробностей. Такъ какъ театральныя игры были неизвѣстны между іудеями, то въ ветхомъ завѣтѣ и нѣтъ объ нихъ упоминанія. Молчаніе апостоловъ объ этомъ предметѣ изъясняется также тѣмъ, что обращаясь преимущественно къ христіанамъ, обратившимся изъ іудеевъ, они не имѣли нужды порицать въ ясныхъ выраженіяхъ поведенія людей, непринадлежащихъ къ жителямъ востока. Они почитали достаточнымъ указать начала, по которымъ христіанинъ долженъ устроить свое поведеніе предъ лицомъ языческаго міра. Тертуліанъ и не ищетъ текстовъ въ книгахъ ветхозавѣтныхъ; онъ только останавливается на первомъ стихѣ книги псалмовъ: »Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не стасъ.« Главное же вниманіе Тертуліана обращено на то, чтобы представить мѣста изъ новаго завѣта, и напомнить христіанамъ объ обѣтахъ крещенія. Объ этихъ обѣтахъ онъ говоритъ съ особеннымъ воодушевленіемъ.

«Вступая въ крестную купѣль, мы исповѣдуемъ христіанскую вѣру въ предписываемыхъ ею изреченіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы торжественно обѣщаемся отречься сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Гдѣ же болѣе діаволь господствуетъ съ своими сообщниками, какъ не въ идолопоклонствѣ? Не тутъ ли престолъ нечистаго духа и сѣдалище злочестія? Я докажу это пространнѣе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, если докажу, что все устройство зрѣлищъ основано на идолопоклонствѣ, то это будетъ явнымъ знакомъ, что мы въ крещеніи дѣйствительно отрѣкаемся отъ зрѣлищъ, изъ которыхъ идолопоклонство составило какъ бы жертвоприношеніе сатанѣ и ангеламъ его. Вникнемъ въ происхожденіе каждаго зрѣлища въ частности, какимъ образомъ игрища сіи введены во вселенной. Разсмотримъ потомъ наименованія каждаго изъ нихъ и наконецъ ихъ устройство, сопровождаемое множествомъ суевѣрій, разныя ихъ обстоятель-



ства, какому божеству какое изъ нихъ посвящено, самыя ихъ представленія, и кто именно были ихъ учредители. Если бы что изъ всего этого не относилось къ идоламъ, въ такомъ случаѣ мы готовы сознаться, что это не касается ни до идолопоклонства, ни до сдѣланнаго нами при крещеніи отреченія¹⁾.

Вотъ планъ, который Тертуліанъ предположилъ себѣ развить въ трактатѣ о зрѣлищахъ! Вы видите отсюда, что Тертуліанъ прежде всего находитъ театръ языческій занятнаннымъ характеромъ идолослуженія. Ясно, что мы здѣсь входимъ въ рядъ размышленій о зрѣлищахъ языческихъ, размышленій, имѣющихъ связь съ вопросомъ о театрѣ вообще. Въ своемъ историческомъ сочиненіи, которое свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи древностей языческихъ, пастырь Карфагенскій говоритъ о происхожденіи игръ цирка, театральныхъ представленій и сраженій гладіаторовъ. Въ этой тройкой формѣ онъ представляетъ увеселенія, обсуждая ихъ нравственное значеніе. Ему мало нужды до того, были ли введенны первоначально эти публичныя игры лидійцами, какъ показываетъ самое названіе ихъ (*ludi*), или онѣ произошли изъ другого источника. Если достоверно то, что всѣ эти празднества были посвящены какому либо богу, Бахусу, Нептуну, Марсу, или другимъ: то это уже достаточно показываетъ, что началомъ ихъ было идолослуженіе; итакъ ручей отравленъ источникомъ, изъ котораго происходитъ, и порча вѣтви зависитъ отъ порчи ствола. Это великолѣпіе, съ которымъ соединялись игры цирка, имѣетъ свой корень въ идолослуженіи, которое положило свой отпечатокъ на всемъ совершающемся въ циркѣ. Здѣсь прогуливаются всѣ виды идоловъ: разныя жертвы предшествуютъ, сопровождаютъ или прерываютъ игры: жрецы, авгуры, все въ движеніи. Можете ли вы сказать, что участіе въ такихъ занятіяхъ не распо-

¹⁾ De spect. IV.

лагаетъ къ іѳолослуженію? Потомъ слѣдуетъ вопросъ о мѣстахъ: циркъ посвященъ солнцу, ибо самое названіе Cirs мож-но произвѣсти отъ Circe, дщери солнца. Нѣтъ ни одного укра-шенія, которое бы не напоминало о какомъ либо событіи ми-еологическомъ, и многобожіе ясно выражено во всѣхъ фор-махъ зданія. Какъ христіанинъ могъ быть на своемъ мѣстѣ среди легіона скверныхъ именъ, гдѣ дѣйствуютъ столько не-чистыхъ духовъ? ¹⁾ Но правоучитель христіанскій перехо-дитъ къ другому возраженію, которое старается опровер-гнуть. »Неужели,« спрашивали, »если я пойду въ циркъ не во время представленій,—то долженъ бояться, чтобы душа моя не заразилась отъ того какою либо скверною?« Мѣста сами по себѣ, отвѣчаетъ Тертуліанъ »не имѣютъ ничего предосуди-тельнаго. Служитецъ Божій, безъ всякой опасности можетъ вхо-дить не только въ тѣ мѣста, гдѣ производятся зрѣлища, но и въ самые языческіе храмы, когда есть къ тому побудительныя при-чины, безъ всякаго однакожъ участія въ отправленіи языческаго богослуженія. Впрочемъ гдѣ и какъ жить христіанамъ? Улицы, площади, бани, гостиницы, самые дома наши, окружены идо-лами; сатана и ангелы его заняли весь свѣтъ. Но хогя и живемъ мы въ мірѣ, однакоже не должны оставлять Бога: оставлять же его значить прилѣпляться къ правиламъ и удовольствіямъ міра. Когда вхожу я въ Капитолій и въ храмъ Сераписовъ для того, что-бы тамъ молиться или приносить жертвы: тогда я отрѣкаюсь отъ Бога. Когда я иду въ театръ или въ циркъ для того именно, чтобы присутствовать на зрѣлищахъ: то я измѣняю своей ре-лигіи. Не мѣста сами по себѣ оскверняютъ душу нашу, но то, что происходитъ въ этихъ мѣстахъ, и что ихъ оскверняетъ. Портятъ насъ вещи поврежденные и испорченныя.—Я распро-странился нѣсколько о томъ, какимъ божествамъ посвящены

¹⁾ De spect. V—VIII.



мѣста сіи, для того единственно, чтобы яснѣе представить, что вещи, происходящія въ нихъ, принадлежать исключительно тѣмъ идоламъ, которымъ сіи мѣста посвящены«. ¹⁾

Тертуллианъ ни мало не преувеличиваетъ, когда говоритъ, что употребленіе лошадей при играхъ цирка не заключаетъ въ себѣ ничего преступнаго, но что и оно не должно быть позволительно, потому что посвящено божествомъ языческимъ. Этотъ справедливый взглядъ не перестаетъ быть такимъ и въ то время, когда Тертуллианъ отъ игры цирка переходитъ къ театральнымъ представленіямъ. Прежде всего онъ нападаетъ въ древней сценѣ на то, что она носитъ печать идолослуженія. «Театръ», говоритъ онъ, «есть собственно святилище Венеры; это богомерзское мѣсто обоготворено въ мірѣ подъ видомъ воздаянія чести этой богинѣ. Помпей, котораго величіе не равнялось только съ величіемъ его театра, когда рѣшился воздвигнуть великолѣпное зданіе для всякаго рода мерзостей, то опасался справедливыхъ упрековъ, которые этотъ памятникъ могъ навлечь на память его, и потому превратилъ этотъ театръ въ священный домъ. Пригласивъ весь свѣтъ на это посвященіе, онъ отнялъ у этого зданія званіе театра, а далъ ему имя храма Венерина, въ которомъ, по словамъ его, прибавлены только нѣкоторыя помѣщенія для зрѣлищъ. Такимъ образомъ онъ прикрылъ именемъ храма зданіе чисто мірское, и носмѣялся надъ благочестіемъ подъ суетнымъ предлогомъ религіозности.»

»Театръ посвященъ не только богинѣ любви, но и богу вина. Эти два демона распутства и пѣнства такъ тѣсно соединены между собою, что сдѣлали какъ бы заговоръ противъ добродѣтели. Чертогъ Венеринъ есть вмѣстѣ и гостинница Бакусова. Въ старину нѣкоторыя игрища театральныя называ-

¹⁾ Spect. VIII

лись »либеріями« не только потому, что посвящены были Бахусу, но и потому что Бахусъ былъ ихъ учредитель. Оба эти богомерзскія божества предсѣдять какъ надъ дѣйствіями театра, такъ и надъ самымъ театромъ, наблюдая и за гнусностію жестовъ и за другими развратными тѣлодвиженіями, чѣмъ наиболѣе отличаются актеры въ комедіи. Эти послѣдніе въ жалкомъ своемъ ремеслѣ виѣняютъ себѣ какъ бы въ славу жертвовать своею совѣстію Венерѣ и Бахусу, представляя или ужасное распутство, или самое грубое сладострастіе. Что касается стиховъ, музыки, флейтъ, скрипокъ: то все это отзывается всегда Аполлонами, Музами, Минервами, Меркуріями.»

»Происхожденіе игрищъ атлетовъ почти такое же; и онѣ раздѣляются также на священныя и похоронныя, т. е. посвящены или богамъ или усопшимъ людямъ. Посему наименованія ихъ равномѣрно исполнены идолопоклонства. Игрища олимпійскія посвящены Юпитеру, какъ и капитолійскія; пиеійскія Аполлону; немейскія Геркулесу; истмійскія Нептуну; прочія во многомъ числѣ людямъ усопшимъ. Должно ли удивляться, что постановка сихъ игрищъ осквернена идолопоклонническими знаменіями? Свидѣтельствомъ тому служатъ злочестивые вѣнки, раздаваемые въ награду побѣдителямъ; присутствіе тамъ жрецовъ; отправление туда судей или пословъ со стороны правительства; наконецъ кровь приносимыхъ тамъ въ жертву животныхъ. Мѣсто, гдѣ сражаются атлеты, сообразно также мѣсту цирка или театра. Какъ въ послѣднемъ является множество играющихъ на флейтахъ, скрипкахъ и другихъ орудіяхъ, посвященныхъ музамъ, Аполлону и Минервѣ, такъ и въ игрищахъ атлетовъ марсовскія слопища, посвященные Марсу, служатъ для одушевленія сражающихся при звукѣ громкихъ трубъ. Такимъ образомъ ристалище совершенно походитъ на циркъ, кромѣ того, что ристалище можетъ еще почестся какъ бы за храмъ того идола, въ честь котораго атлеты празднуютъ торжественно свои



игрища. Наконецъ извѣстно, что Касторъ и Полуксъ, Меркурій и Геркулесъ, учредители всякаго рода ристаній и бѣгас¹⁾).

Какъ видите, вся эта первая часть трактата Тертуллиана противъ зрѣлищъ старается доказать, что посѣщеніе театра есть родъ идолослуженія. На такую точку зрѣнія въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ поставить себя прежде всего правоучитель христіанскій въ первыя вѣка церкви. Для отвлеченія вѣрныхъ отъ этого рода увеселеній, надобно было начать доказательствомъ того, что обѣты данные при крещеніи никакъ не совмѣстимы съ дѣйствіями, которыя проистекаютъ изъ расположенности къ ученію многобожниковъ. Разсматривая театръ съ этой точки зрѣнія, потерявшей для насъ теперь весь интересъ, Тертуллианъ употреблялъ доказательства, которыя могли имѣть большое дѣйствіе на христіанъ его времени. Такъ онъ доказываетъ, что участіе въ непозволительныхъ увеселеніяхъ можетъ служить признакомъ отступленія отъ вѣры, и дѣйствительно, нельзя не согласиться, что театръ языческій былъ внѣшнимъ выраженіемъ или продолженіемъ богопочтенія языческаго. Отъ сочиненій Эсхила, которыя въ извѣстномъ отношеніи можно называть таинствами политеизма греческаго, до игръ римскаго цирка, съ которыми соединялись разнаго рода жертвоприношенія, религія не была чужда ни одному изъ произведеній древней сцены. У язычниковъ священное и нечистое были до такой степени перемѣшаны, что трудно было огличить одно отъ другаго. Театръ опирался на храмъ, и зрѣлища составляли часть самой религіи. Это истина, что театральныя игры были введены въ Римъ въ 390 г. по случаю язвы, которую хотѣли этимъ отвратить. Съ того времени театръ конечно подвергался разнаго рода видоизмѣненіямъ; но внѣшнія формы, которыя напечатлѣло на немъ идолопоклонство, остаются тѣже. И вотъ

¹⁾ De spect IX—XIII.



почему первые нравоучители христіанскіе такъ рѣшительно вооружались противъ зрѣлищъ языческихъ.

Показавъ такимъ образомъ, что вѣрныя не могутъ, безъ противленія своей вѣрѣ, принимать участіе въ играхъ языческихъ, Тертуліанъ потомъ разсматриваетъ вопросъ по началамъ нравственнымъ. Онъ старается доказать, что все, совершаемое на зрѣлищахъ, противно заповѣдямъ евангелія. Развивая этотъ новый рядъ доказательствъ, онъ не ограничивается частными условіями театра языческаго, но говоритъ о театрѣ вообще. Доводы, представляемые имъ, замѣчательны особенно въ томъ отношеніи, что служили источникомъ и образцомъ для моралистовъ новѣйшихъ.

II. Въ послѣднихъ годахъ 17 столѣтія одинъ учитель богословія нѣкто Каффаро написалъ сочиненіе, въ которомъ старался защитить современный ему театръ. Это сочиненіе, писанное по латини, не было назначено для свѣта; но по нескромности было опубликовано подъ именемъ своего автора, и послужило введеніемъ къ собранію драматическихъ произведеній Бурсольта. Между другими предположеніями, очень странными, въ этомъ сочиненіи находится слѣдующее: «комедія до такой степени улучшена теперь на театрѣ французскомъ, что въ ней нѣтъ ничего такого, чего не могло бы слушать цѣломудренное ухо». Такое замѣчаніе, особенно по выходѣ сочиненій Мольера, должно было показаться очень наивнымъ. Когда потребовали у Каффаро объясненія это странной выходки, то онъ извинялся тѣмъ, что никогда не читалъ всей до конца комедіи, ни даже трагедіи Корнейя или Расина, и что въ своемъ сочиненіи хотѣлъ представить только метафизическую идею театра, не касаясь того, что практика не всегда отвѣчаетъ теоріи. Этого признанія конечно достаточно, если не для оправданія автора, то по крайней мѣрѣ для опредѣленія его совер-



ленной незначительности. Однакожь сочиненіе надѣлало шуму: восхищенные возможностью утвердиться за религіознымъ авторитетомъ, люди свѣтскіе пользовались имъ какъ оружіемъ, для защиты своего поведенія. Боссюэтъ, шедшій всегда на проломъ,—когда дѣло касалось религіи и нравственности, почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ этотъ споръ. Онъ написалъ къ неблагоразумному учителю богословія письмо; но получилъ отвѣтъ неудовлетворительный, прибавилъ къ своему письму новыя объясненія. Такимъ образомъ составилось маленькое сочиненіе, которое Боссюэтъ издалъ въ 1694-мъ году, подъ заглавіемъ *Maximes et reflexiones sur la comedie*.

Каффаро не преминулъ изказать ученіе отцевъ церкви, доказывая, что первые нравоучители христіанскіе осуждали зрѣлища своего времени, и единственно потому, что находили въ нихъ идолопоклонство. Боссюэтъ основательно замѣтилъ, что эта частная причина не исключаетъ другихъ болѣе общихъ.

»Христіанскіе наставники«, говорилъ Боссюэтъ, »порицають въ играхъ и театрахъ бесполезность, разсѣянность, нестроеніе, потрясеніе духа неприличное христіанину, котораго сердце должно быть святилищемъ мира. Отцы церкви порицають въ зрѣлищахъ возмутительныя страсти, пустоту, убранство, великолѣбныя украшенія, пышность, отъ которой мы отреклись въ крещеніи, желаніе видѣть и быть видимымъ, несчастную встрѣчу глазъ, которые ищутъ другъ-друга, занятіе пустыми предметами, громкій смѣхъ, который забываетъ о вездѣприсутствіи Божіемъ и о томъ, что мы должны дать отчетъ въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ, въ малѣйшихъ словахъ«... ¹⁾

Здѣсь Боссюэтъ повторяетъ въ немногихъ словахъ вторую часть трактата Тертуліана противъ зрѣлищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и у Тертуліана есть много подробностей, которыя

¹⁾ AXXVI. p. 562.



относятся только къ театральнымъ играмъ языческимъ. Когда, для доказательства того, что эти игры оскорбляютъ нравственное чувство, пастыръ карфагенскій представляетъ противными кротости христіанской тѣ буйныя чувствованія, которыя возбуждали бѣшенство цирка и амфитеатра: то его порицанія относятся къ кровавымъ сценамъ языческихъ театровъ. »Всѣ подробности, мною здѣсь описанныя,« замѣчаетъ онъ, »должны служить отвѣтомъ однимъ язычникамъ.« Но къ несчастію, и въ мірѣ христіанскомъ можно находить теперь остатки этихъ варварскихъ обычаевъ, столь способныхъ развивать инстинктъ звѣрства; я разумѣю сраженія быковъ, на которыя любить смотрѣть соседственная нація. Такого рода увеселенія не достойны націи католической, потому-что противны духу кротости, которая характеризуетъ евангеліе. Самая сильная стрѣла, брошенная Тертулліаномъ въ твореніи, которое мы разсматриваемъ, падала на эти звѣрскія забавы.—Но оставимъ въ сторонѣ то, что не относится къ вопросу о театрѣ вообще, дабы изслѣдовать самыя начала, которыя полагаетъ нравоучитель африканскій. Съ отличной проницательностію разсматриваетъ онъ главную цѣль представленій театральныхъ, состоящую въ возбужденіи и волненіи страстей.

»Богъ повелеваетъ намъ чтить Святаго Духа« со всякимъ смиренномудріемъ, кротостію, долготерпѣніемъ, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзъ мира; и напротивъ строго воспрещаетъ оскорблять того же Духа, говоря: *всяка горестъ и гнѣвъ и яростъ и клѣвъ и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою.* Какимъ же образомъ согласить все это съ зрѣлищами, тревожащими и такъ сильно возмущающими духъ нашъ? Гдѣ удовольствіе, тамъ и страсть, безъ чего всякое удовольствіе непріятно; а гдѣ страсть, тамъ и соревнованіе, безъ котораго всякая страсть непріятна. Соревнованіе же приноситъ съ собою споры, гнѣвъ, бѣшенство, огорченіе и всѣ подобныя



страсти, ничего общаго не имѣющія съ обязанностями нашей религіи. Положимъ; что кто либо могъ бы присутствовать на врѣлищѣ, соблюдая степенность и скромность, приличныя его вванію, лѣтамъ или счастливому характеру; но и тутъ весьма трудно душѣ пребыть покойною и не почувствовать смятенія или тайнаго какого либо волненія. Нельзя быть при этихъ увеселеніяхъ, не имѣя какой либо въ себѣ страсти, и нельзя имѣть страсти, не почувствовавъ производимаго ею на думу дѣйствія. Съ другой стороны, если нѣтъ страсти, то нѣтъ и удовольствія, и тогда человѣкъ остается въ печальной безполезности, находясь тамъ, гдѣ нечего ему дѣлать. Вообще всякое суетное и безполезное дѣяніе неприлично для христіанъ. Человѣкъ самъ себя осуждаетъ, поступая за одно съ людьми, которымъ не хочетъ быть подобенъ, и которымъ объявляетъ себя какъ бы врагомъ. Для насъ не довольно того, чтобы самымъ не дѣлать зла; намъ не должно имѣть и общенія съ тѣми, кто его дѣлаетъ.¹⁾

Итакъ, по Тертуліану, прямой и непосредственный результатъ театра, возбуждать страсти въ душѣ зрителя. Зрители принимаютъ участіе въ этихъ забавахъ, чтобы возбудить въ себѣ душевныя волненія, и даже если не ищутъ ихъ, то противъ воли находятъ. И дѣйствительно, ничто такъ не заражаетъ, какъ страсть: видѣтъ ее предъ собою живою, прелестною, съ оптическимъ обманомъ театральнаго дѣйствія, не значить ли нечувствительно привыкать къ ней, воспроизводить ее въ себѣ? Боссюэтъ превосходно анализируетъ состояніе духа зрителя, увлеченнаго живымъ примѣромъ, который находится предъ его глазами.

»Первое вниманіе трагическихъ и комическихъ поэтовъ обращено на то, чтобы заинтересовать зрителя; и если авторъ или актеръ комедіи не умѣетъ растрогать зрителей и распо-

¹⁾ De spect. XV.



ложить ихъ къ той страсти, которую хочетъ выразить: то его и придаютъ на холодъ, скуку, насмѣшки, презрѣніе... *Aut dormitabo, aut ridebo...* Обыкновенно мы видимъ себя самихъ въ тѣхъ, которые намъ кажутся восхищенными извѣстнымъ предметомъ; мы сами дѣлаемся тайными актерами въ комедіи; разыгрываемъ свои собственныя страсти, и всякій вымысль для насъ холоденъ и непріятенъ, если онъ не находитъ въ душѣ нашей отголоска¹⁾.

Нѣтъ нужды глубоко раскапывать сердца человѣческаго для того, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ замѣчаній; изъ поверхностнаго наблюденія можно понять ихъ ригористическую точность. Выражаясь подобнымъ образомъ, Тертуліанъ и Боссюэтъ указываютъ на истинно-опасную сторону театра. Высшее искусство автора и актера состоитъ въ томъ, чтобы представить страсть весьма естественно, — такъ чтобы каждый могъ найти въ этомъ представленіи свой собственный образъ или по крайней мѣрѣ интересоваться имъ. Заставлять автора или актера поступать иначе, значить осуждать ихъ, какъ говорить Боссюэтъ, на холодъ, скуку и т. п. Послѣ этого должно быть ясно, что театральныя игры очень часто представляютъ большую опасность для нравовъ, особенно когда піеса имѣетъ цѣлю возбудить самую живую и самую тонкую изъ страстей человѣческихъ, я хочу сказать «любовь». И потому не удивительно, что на театрѣ языческій смотрѣли какъ на училище разврата. Мы уже знаемъ, что одинъ изъ безнравственныхъ поэтовъ древности, Овидій, не колебался порицать эти піесы, въ которыхъ восхваляется порокъ, а добродѣтель осмѣивается. — Могъ ли не порицать этихъ мерзостей писатель христіанскій? Тертуліанъ даже изумляется, какъ могутъ желать, видѣть и

¹⁾ Maxim. et reflex 539. 541.



слушать въ театрѣ то, что не можетъ быть терпимо ни въ одной честной компаніи.

»Намъ повелѣно«, пишетъ онъ, »отречься отъ всякаго рода нечистоты; стало быть для насъ долженъ быть запертъ и театръ, гдѣ можно научиться только тому, что повсемѣстно не одобряется. Величайшая прелесть театра состоитъ обыкновенно въ представленіи всякаго рода позоровъ. Позоры эти выводить на сцену или тосканецъ своими соблазнительными тѣлодвиженіями, или комедіантъ, переодѣтый въ женскую одежду, съ самаго дѣтства приучившій свое тѣло къ гнуснымъ непристойностямъ чтобы подавать другимъ примѣръ безчинства.. Если для насъ мерзка всякаго рода нечистота,—то за чѣмъ слушать намъ то, чего нельзя говорить безъ преступленія? За чѣмъ смотрѣть на то, что запрещено намъ дѣлать? Почему вещи оскверняющія человѣка языкомъ, не могутъ осквернять его очами и ушами, когда очи и уши,—можно сказать, преддверіе души нашей? Трудно, чтобы сердце было чисто, когда входъ въ него поврежденъ«. ¹⁾

Могутъ возразить на это, что заповѣдь о цѣломудріи повелѣваетъ осуждать піесы безнравственныя или непристойныя, но этой заповѣди не противны тѣ піесы, которыя не имѣютъ цѣлію оправдать порокъ или испортить нравы. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли даже въ комедіяхъ Плавта и Теренція прекрасныхъ наставленій и правоученій, могущихъ внушать расположеніе и уваженіе къ добродѣтели? притомъ же, развѣ нельзя закрыть глазъ для того, что опасно, и открыть для того, что истинно хорошо и полезно? Вотъ на это отвѣтъ Тертуліана.

»Положимъ, что на зрѣлищахъ происходятъ иногда вещи въ самъ дѣлѣ пріятныя, простыя, скромныя и не безчестныя;

¹⁾ De spect. XVII



но вспомни, что обыкновенно ядъ смѣшивается не съ желчію и чемерицею, а съ сладкими и вкусными жидкостями. Діаволъ всегда кроетъ смертельный ядъ свой въ яствахъ, наиболѣе пріятныхъ и лакомыхъ. Слѣдовательно все то, что въ зрѣлищахъ покажется тебѣ великимъ, вѣжливымъ, сладкозвучнымъ, веселымъ, утонченнымъ, гармоническимъ, ты долженъ принимать за медъ, отравленный ядомъ. Обращай вниманіе не столько на удовольствіе устъ, сколько на опасность, неминуемо сопряженную съ симъ удовольствіемъ¹⁾.

Такимъ образомъ христіанскій нравоучитель затрогиваетъ самый нервъ вопроса. Онъ не пускается въ длинныя расужденія, когда надобно прямо напасть на представленія театральныя, которыхъ вредъ для нравственности очевиденъ; и въ этой истинѣ не можетъ сомнѣваться душа благородная. Предметомъ самыхъ живыхъ возраженій служатъ тѣ піесы, которыя возбуждаютъ на сценѣ страсти сердца безъ цѣли безнравственной, или которыя, для того чтобы показать опасность чувствованій преступныхъ, стараются представить ихъ какъ можно вынуклѣе предъ зрителями. Спрашивается: благотворно или гибельно на самомъ дѣлѣ дѣйствіе этихъ живыхъ описаній, этихъ картинъ? Какъ увидимъ, Тертуліанъ не столько находитъ опасности въ томъ, что возбуждаетъ огонь страстей средствами утонченными, сколько въ несносномъ обоготвореніи порока. Того же мнѣнія и Боссюэтъ. Послѣ заслуженнаго порицанія этихъ піесъ, въ которыхъ добродѣтель осмѣивается, а порокъ представляется въ самыхъ лучшихъ краскахъ,—этихъ оперъ, гдѣ развращеніе, рассчитанное по всѣмъ правиламъ, употребляетъ для своего служенія пѣсни, которыя возбуждаютъ только измѣненность, Боссюэтъ распространяется въ порицаніи всѣхъ произведеній, восхваляющихъ страсть любви. Театральныя дра-

¹⁾ De spect. XXVII.



мы ему кажутся гибельными для нравовъ. не только въ извѣстныхъ случаяхъ, но и вообще по своей природѣ: самая же главная причина, которую онъ представляетъ и развиваетъ во всѣхъ формахъ, есть та, что падшій человѣкъ носить въ себѣ источникъ злаго похотѣнія, которое не должно быть возбуждаемо легкими для него средствами. Для оправданія своихъ чувствованій защитники театра говорятъ, что комедія обыкновенно оканчивается бракосочетаніемъ. »Очень хорошо«, отвѣчаетъ Россюэзъ, »но не этимъ онъ начинается, и прежде достиженія этой развязки мы видимъ говорящими и дѣйствующими на сценѣ любовниковъ, а не супруговъ. Жалкое обольщеніе воображать себѣ, что языкъ страстей теряетъ свою опасность для зрителей, когда постѣ неожиданнаго переворога интрига оканчивается брачнымъ союзомъ! Вы опрокидываете всю вазу; вы разливаете какъ ту нечистоту, которая находится на днѣ сосуда; гадъ и то, что есть самое тонкое и далекаго въ верхней части его. Уже и вы думаете, что тонкая зараза опаснаго зла ищетъ только предмета грубаго, или что тайное пламя сердца очень легко потушено любовію, какимъ бы образомъ эта любовніи выражалась, будетъ направлено или уменьшено идеею брака, которую вы представляете въ вашихъ герояхъ и вашихъ влюбленныхъ героинь? Вы страшно обманываетесь.. Можно сказать навѣрное, что все возбуждающее чувственность въ самыхъ благопристойныхъ комедіяхъ тайно направлено противъ цѣломудрія. Эта дѣль всегда имѣется въ виду, судя по наклонности сердца человеческого къ разврату. Бракъ, эта по вашему мнѣнію прекрасная развязка, заключается въ концѣ комедіи. Это очень поздно! До тѣхъ поръ слабое сердце бываетъ если не побѣждено, то атаковано. Притомъ же, супружескии союзъ, очень серьезный для того, чтобы заинтересовать зрителя, который ищетъ одного удовольствія, представляется въ комедіи только для формы, для вида. Авторы подобныхъ сочиненій всячески стараются,



чтобы правила истинной добродѣтели съ какой либо стороны были презираемы; ибо иначе не будетъ для зрителя удовольствія, котораго онъ ищетъ. Позволительное и законное сдѣлалось бы скучно, если бы оставалось безъ примѣси нечистаго. Словомъ, всякая комедія, по духу нашего времени, старается внушить удовольствіе любви и выводить на сцену влюбленныхъ, а не супруговъ... Съ какой бы стороны вы ни нападали на похоть плоти, все ей благопріятствуетъ: зрѣлище поражаетъ глаза; нѣжные разговоры, страстное цѣніе проникаетъ чрезъ уши въ сердце. Иногда разливается развратъ большими волнами, иногда проникаетъ капля по каплѣ; но во всякомъ случаѣ угрожаетъ потопомъ. Зло находится въ крови и внутренностяхъ, прежде нежели обнаружится лихорадочное состояніе. Человѣкъ, ослабѣвая мало по малу, подвергается явной опасности упасть; и эта великая слабость есть уже начало грѣхонаденія.* ¹⁾

Кто хоть мало изучалъ сердце человѣческое, тотъ не можетъ не быть пораженъ тонкостію этихъ замѣчаній. Конечно, можно противопоставлять софизмы этому свѣтлому и ясному разсужденію, можно составлять себѣ, по примѣру Каффаро, метафизическую идею театра безъ отношенія къ практикѣ вещей: но во всякомъ случаѣ это есть чистосердечное рѣшеніе вопроса, рѣшеніе, которое представилъ бы всякій серьезный моралистъ. Театральное представленіе, которое возбуждаетъ любовь нечистую, и въ которомъ играютъ роль оба пола, будетъ всегда представлять нравственную опасность, какъ бы ни было похвально намѣреніе автора. Мы можемъ сослаться здѣсь на авторитетъ судей компетентныхъ и тѣмъ болѣе безкорыстныхъ, что они говорятъ противъ себя самихъ. Мы хотимъ сказать о поэтахъ, которые представили для нынѣшняго театра

¹⁾ Maxim et reflex p. 545—548.



піесы, недостойныя порицанія. По свидѣтельству Фонтенелля, Корнель былъ очень обезпокоенъ отвѣтственностію, по случаю публикаціи своихъ драматическихъ произведеній; чтобы исправить сколько возможно недостатки, которые ему приписывали, онъ посвятилъ всѣ послѣднія силы своего таланта поэзіи религиозной. Весь міръ знаетъ объ угрызеніяхъ совѣсти Расина, плодомъ этихъ угрызеній были два образцовыхъ сочиненія, въ которыхъ нѣтъ нечистой любви, и которыя слѣдовательно никакъ не подходятъ подъ категорію піесъ, признаваемыхъ Боссюэтомъ опасными для нравовъ. Квинольтъ горько сожалѣлъ о своихъ театральныхъ сочиненіяхъ, и самыми строгими и продолжительными подвигами покаянія старался искупить то зло, которое могли произвести его оперы. Молли, какъ извѣстно, умеръ на пеплѣ, оплакивая свои музыкальныя произведенія. Въ письмѣ, адресованномъ къ одному изъ своихъ друзей, Грессе признается: что онъ душевно страдаетъ, трудясь для театра; и однакожъ ни Сидней ни Метанъ не представляютъ піесъ неблагопристойныхъ. При этихъ безпокойствахъ и этихъ жалобахъ можетъ показаться даже безразсуднымъ желать возставать противъ мнѣнія театральныхъ учителей. Впрочемъ, еслибы нашлись люди, которые готовы заподозрить Тертуліана и Боссюэта въ преувеличеніи дѣла, то есть у насъ писатель, который никакимъ образомъ не можетъ быть названъ строгимъ исполнителемъ правилъ благочестія и который взялъ на себя обязанность подтверждать мысли нравоучителей христіанскихъ. Этотъ неожиданный противникъ театра есть Руссо.

Въ VII томѣ энциклопедіи, въ статьѣ Geneve, Даламбертъ совѣтуетъ жителямъ Женевы завести у себя театръ комедіи. Руссо нашелъ этотъ совѣтъ очень вреднымъ для своего отечественнаго города, и съ цѣлію предупредить своихъ согражданъ объ опасности, которая имъ угрожала, онъ написалъ Даламберту письмо о зрѣлищахъ. Это письмо настоящій трактатъ



татъ, который, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ декламаторство Руссо распространяется въ очень длинныхъ тирадахъ, представляетъ оцѣнку театра сколько справедливую, столько же и строгую. Доказавъ вообще, что зрѣлище есть забава и что забавы позволительны только тогда, когда онѣ необходимы или полезны, гражданинъ Женевы изслѣдуетъ вопросъ: удовлетворяетъ ли театръ этому условію? »Нравственное дѣйствіе зрѣлищъ«, пишетъ онъ, »не можетъ быть хорошимъ и благотворнымъ; потому что ни одинъ видъ дѣйствительно—полезнаго не обходится безъ трудовъ и хлопотъ, которыя превышаютъ пользу. Театръ никогда не можетъ исправлять нравы, а портить ихъ можетъ очень часто. Добро, которое доставляетъ театръ, есть »нуль«. вмѣсто того чтобы очищать страсти, все вниманіе драматическаго автора обращено на то, чтобы льстить имъ, а иначе зрители очень скоро покажутъ къ нему нерасположенность. Сцена есть не иное что какъ картина страстей человѣческихъ, оригиналь которой находится во всѣхъ сердцахъ; но рисовать нравы не значитъ исправлять ихъ, и безобразное лице не кажется безобразнымъ тому, кто его имѣетъ. Если хотятъ исправить страсти, представляя ихъ въ увеличительномъ видѣ, то въ такомъ случаѣ бываетъ отступленіе отъ природы, невѣроятность, и картина не производитъ желаннаго дѣйствія. Говорятъ, что театръ представляетъ добродѣтель достойною любви, и порокъ достойнымъ отвращенія. Да, и я знаю, что выходя изъ театра зритель любитъ добродѣтель; но онъ любитъ ее въ другихъ, потому что надѣется отъ нея выгоды, самъ же едва-ли желаетъ быть добродѣтельнымъ, потому что добродѣтель была бы для него сопряжена съ ущербомъ. Итакъ, что желаютъ видѣть на сценѣ? Точно тоже, что желаютъ находить повсюду: уроки добродѣтели для публики, но не для себя, и людей жертвующихъ всѣмъ для исполненія своей обязанности, но ничего не требующихъ отъ насъ. Слышу я, что тра-

*



гедія располагаетъ къ жалости. Но какая это жалость? Кратковременное и пустое волненіе крови, которое не продолжается долѣе того призрака, который возбудилъ его; это остатокъ чувствованія естественнаго, тотчасъ задушаемаго страстями; это жалость безплодная, которая обнаруживается нѣсколькими следами и никогда не производитъ ни малѣйшаго дѣйствія чело-вѣколюбія. Развѣ Силла не плакалъ на театрѣ? И вышедши изъ театра, онъ разорялъ и убивалъ своихъ согражданъ! И въ самомъ дѣлѣ, когда чело-вѣкъ пошелъ въ театръ удивляться прекраснымъ дѣйствіямъ, рассказываемымъ въ басняхъ, или оплакивать несчастія воображаемыя: то къ чему все это можетъ привести? Къ тому, чтобы доставить удовольствіе самому себѣ, похвастать своими прекрасными качествами, истощить чувствительность въ вымыслахъ и развить ее для дурныхъ поступковъ, оскорбляющихъ чело-вѣчество.... Писатели церковные часто и сильно жаловались на опасности театра, который основанъ единственно на любви чувственной. Опасность, которую можетъ произвести изображеніе страсти, отвѣчали имъ, зависитъ отъ манеры изображающихъ. Любовь, представляемая на театрѣ, законна; цѣль ея благородна, даже часто любовь приносить жертвы для добродѣтели; а напротивъ, если она незаконна или нечиста, то всегда наказывается. Все это очень хорошо. Но не такъ легко управлять движеніями сердца, какъ думаютъ. Согласенъ, что театръ не всегда имѣетъ цѣлю внушить преступныя страсти; но знаю и то, что онъ располагаетъ душу къ чувствованіямъ нѣжнымъ, которыми удовлетворяютъ потомъ на счетъ добродѣтели... Хотя бы и справедливо было, что на театрѣ изображаютъ только страсти позволительныя: но слѣдуетъ ли отсюда, что впечатлѣніе этихъ страстей слабо и дѣйствіе неопасно? Какъ будто живыя образы невинной нѣжности бываютъ менѣе сладки, менѣе соблазнительны, нежели образы любви преступной, для которой ужасъ преступленія можетъ слу-



жить противоядіємъ?! Если идея невинности украшаетъ на нѣсколько минутъ чувства сердца, то все это скоро изглажается изъ памяти; но движеніе страсти, столь пріятное, проникаетъ въ самую глубину сердца.... Намъ рисуютъ любовь какъ хотятъ: она и соблазнительна и нѣтъ; если она представлена худо, то піеса не нравится, и если хорошо, то увлекаетъ всѣхъ и пр.

Это разсужденіе сходно съ разсужденіемъ епископа Москаго, и для того чтобы почувствовать его силу, достаточно обратить вниманіе на психологическія условія человѣка. Сильно обманывались, воображая что характеръ или нравственная цѣль піесы изглаждаетъ или исправляетъ то впечатлѣніе, которое происходитъ отъ живаго и соблазнительнаго изображенія страстей. Прекрасныя наставленія скоро забываются, а впечатлѣнія остаются на долго. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ трагедія »Федра« не представляетъ уроковъ нравственныхъ? Здѣсь преступная любовь находитъ для себя наказаніе въ томъ самомъ развратѣ, которому предается. Но кто не видитъ, что это глубокое и поразительное описаніе скорбей несчастной женщины имѣетъ цѣлю не то, чтобы внушить зрителю любовь къ долгу, а напротивъ чтобы привести зрителя въ ужасъ, и притомъ такъ, что послѣ этого описанія онъ будетъ больше расположенъ сожалѣть о несчастной Федрѣ, нежели о невинномъ Ипполитѣ? Даже въ самомъ »Поліевктѣ«, наиболѣе нравственной изъ всѣхъ піесъ, въ которыхъ изображаются любовь, зритель, разстроганный краснорѣчивыми воплями Павлины, не располагаетъ ли обвинять въ жестокости Поліевкта, жертвующаго любовію для долга? Надобно слишкомъ мало знать сердце человѣческое для того чтобы почитать это предположеніе несбыточнымъ. Вотъ опасность этихъ театральныхъ представленій, которыя даже въ то время, когда описаніемъ порока и его заблужденій стараются внушать чувство добродѣтели, поставлены бывають въ



необходимость отнимать у зла характер слишком ненавистный, изъ страха, чтобы не подвергнуться нерасположенію присутствующихъ. Случается это и въ драмахъ и въ романахъ. Самая соблазнительная піеса не всегда бываетъ самою опасною для нравовъ: страсть вкрадывается гораздо скорѣе тонкою лестію склонностямъ человѣка, нежели посредствомъ того, что оскорбляетъ невинность. Притомъ, когда хотимъ рѣшить вопросъ о театрѣ, то надобно брать въ расчетъ не только то вліяніе, какое имѣетъ театръ на слушателей и зрителей, но и то дѣйствіе, которое служитъ результатомъ для представляющихъ піесы и играющихъ на театрѣ. Мы уже знаемъ, что Платонъ высказалъ объ этомъ предметѣ самое вѣрное предположеніе: чистое и сильное подражаніе страстямъ способно открыть глубину ихъ. То, что языческій философъ представилъ въ идеѣ, Руссо доказываетъ опытами. Онъ замѣчаетъ, что вообще должность комедіанта есть должность безнравственная: актеры поступаютъ безпорядочно, актрисы ведутъ жизнь развратную; тѣ и другіе, будучи жадны и расточительны, всегда обременены долгами, и постоянно имѣя полныя руки денегъ, столь же мало удерживаются въ своей расточительности, какъ мало бываютъ застѣнчивы, испрашивая пособія для себя. Показавъ эти результаты, несомнѣнно подтверждаемые опытами, онъ спрашиваетъ: не должно ли это занятіе, представляющее подобныя невыгоды, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ пользовавшееся небольшимъ почетомъ считаться не должно ли это занятіе опаснымъ по своему существу? Ибо общее мнѣніе предполагаетъ и общую причину... Боссюэтъ, указывая на безпорядки, общіе въ этомъ званіи, не побоялся высказать объ немъ жесткое замѣчаніе: «какая мать, я не говорю христіанская, а сколько-нибудь благородная, не захочетъ лучше видѣть свою дочь въ могилѣ, нежели на театрѣ»? Но еще задолго до Руссо и Боссюэта Тертуллианъ нападалъ на званіе комедіанта, ссылаясь



и на правила благопристойности и на рѣшеніе мнѣнія общественнаго.

»Правители республики, пишетъ онъ, судіи и распорядители игрищъ, лишаютъ всякаго почетнаго званія подвижниковъ цирка, атлетовъ, комедіантовъ, гладіаторовъ. Они предають подобнаго рода людей послѣдному уничиженію, не допуская ихъ пользоваться никакими правами и достоинствами ни въ судилищахъ, ни въ сенатѣ, ни въ преимуществахъ патриціевъ, ни въ другихъ какихъ либо должностяхъ. Чудное дѣло; Они объявляютъ ихъ безчестными людьми; а между тѣмъ охотно присутствуютъ на ихъ игрищахъ. Они любятъ тѣхъ, которыхъ наказываютъ; презируютъ тѣхъ, которыхъ одобряютъ; хвалятъ дѣло, а дѣлателя позорятъ. Какой странный родъ суда безчестить человѣка за то самое, за что воздается ему честь, или лучше сказать, какое безмолвное сознаніе злаго дѣла, когда тотъ, кто его производитъ, сколько бы ни доставлялъ удовольствія, предается безслѣвию! Если человѣческое правосудіе осуждаетъ этихъ несчастныхъ людей, не смотря на забавы, доставляемыя ими своимъ судьямъ, если и оно исключаетъ ихъ изъ всякаго почетнаго званія, заточая ихъ часто въ ужасныя и пустынныя мѣста: то во сколько кратъ строже явится вѣкогда противъ нихъ правосудіе божественное? Думаете ли вы, что Богъ можетъ одобрить сего возницу въ циркѣ, возмущающаго столько душъ, возбуждающаго столько изступленія, тревожащаго столько зрителей? Полагаете ли вы, что онъ весьма пріятель небу, когда, увѣнчанный цвѣтами подобно азыческому жрецу, является стоящимъ торжественно на колѣсницѣ? Осуждая всякаго рода притворство, помилуетъ ли Богъ комедіанта, поддѣлывающаго свой голосъ, свой возрастъ, свой полъ, представляющаго изъ себя влюбленнаго или гнѣвливаго человѣка, проливающаго лживыя слезы или испускающаго ложные вздохи?»¹⁾

1) De spectac XIII.



Наконецъ защитники зрѣлицъ доказывали, что челоѣку необходимо развлеченіе. Тертулліанъ соглашается съ ними, но указываетъ зрѣлица благороднѣйшія: природу и исторію церкви христіанской.

»Если ты думаешь, что нельзя проводить жизни безъ какой либо пріятности: то почему ты столько неблагодаренъ, что не хочешь ни признать, ни вкушать различныхъ удовольствій, которыя Богъ произвелъ, и которыя слишкомъ достаточны для удовлетворенія твоихъ желаній? Если вы прельщаетесь поэзіей: то у васъ довольно другихъ книгъ, кромѣ языческихъ; у васъ довольно прекрасныхъ стиховъ, довольно превосходныхъ поученій, довольно гимновъ, довольно музыкальныхъ хоровъ. Это не грубыя басни, но священныя истины; не собраніе надутыхъ строфъ, но сокровище чистыхъ и безпритворныхъ изреченій нравственности. Нужны ли вамъ сраженія, борьбы, побѣды: христіанство представитъ вамъ и ихъ во множествѣ. Взгляните, какъ нечистота низлагается цѣломудріемъ, коварство побѣждается вѣрою, жестокость одолевается милосердіемъ, буйство низвергается смиреніемъ: вотъ сраженія свойственныя христіанамъ! Хотите ли видѣть еще и кровь пролитую: у васъ есть спасительная кровь Іисуса Христа« ¹⁾.

Совѣты прекрасные, но неудобоисполнимыя по духу нашего времени! Если бы великія истины религіи, которыя отцы и учителя церкви развивали съ такою силою и возвышенностію, были напечатлѣны гораздо прежде въ сердцахъ людей: то театральныя представленія потеряли бы свою прелесть, или по крайней мѣрѣ подверглись бы совершенному видоизмѣненію. Христіанскій геній выполнилъ бы при помощи искусства то, что предприняла древняя Греція, желавшая сдѣлать свой театр училищемъ религіи и патріотизма. Но страсти челоѣческія

¹⁾ De spect. XXIХ.



всегда стремились къ удаленію театральнаго искусства отъ этихъ плодосныхъ источниковъ, изъ которыхъ оно черпало бы безъ сомнѣнія счастливыя вдохновенія. Теперь, кагда нашъ испорченный вкусъ не можетъ болѣе довольствоваться простыми предметами, когда люди избалованы предметами необыкновенными, — надобно думать не объ уничтоженіи зрѣлищъ, а о возможномъ облагороженіи ихъ.

К. Сковорцевъ.

